

УДК 316.334.4
ББК 60.561.4
К 71

В.В. Косов,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79821753905, e-mail: alexandr01.87@mail.ru

Н.В. Царахова,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79531143982, e-mail: strekmetova@mail.ru

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

(Рецензирована)

Аннотация. В представленной статье исследуется феномен криминальной субкультуры в условиях современной российской реальности. Авторы анализируют влияние криминальных ценностных стандартов на мировоззренческие особенности молодого поколения россиян. В работе подчеркивается влияние на процессы трансформации криминальной культуры, происходящих в сегодняшней России политических и социально-экономических преобразований.

Ключевые слова: аномия, идеология, культурное пространство, криминальная субкультура, социальная общность.

V.V. Kosov,

Applicant of the Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79821753905, e-mail: alexandr01.87@mail.ru

N.V. Tsarakhova,

Applicant of the Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe State University, Maikop ph.: +79531143982, e-mail: strekmetova@mail.ru

CRIMINAL SUBCULTURE AS PHENOMENON OF THE RUSSIAN CONTEMPORARY SOCIETY

Abstract. This paper examines the phenomenon of a criminal subculture in the conditions of the Russian contemporary reality. The authors analyze influence of criminal value standards on world outlook of the younger generation of the Russians. The work emphasizes impact of criminal culture on processes of the political, social and economic transformations taking place in today's Russia.

Keywords: anomy, ideology, cultural space, criminal subculture, social community.

Анализируя роль криминальной субкультуры в современном российском социуме, основываясь на базовых принципах структурно-функционалистского подхода, целесообразно исследовать весь спектр социальных функций, реализуемых ей, конституирующие ценностные значения и опосредованные ими поведенческие нормы, а также определить социальные общности её носителей и детерминанты

культурной экспансии во внешнее культурное пространство.

Необходимо отметить, что криминальная субкультура является устойчивым культурным феноменом. Данный феномен характеризуется существованием незыблемой культурной традиции в исторической ретроспективе, а также легитимацией значительных объемов культурных содержаний.

Следует отметить, что несовершенство социального устройства, кардинальная трансформация стратификации социума в постреформенной России сформировали условия, при которых часть общества оказалась дезинтегрированной в процесс социального переустройства и фактически отторгнутой адаптированным к изменениям большинством от принадлежащего ему культурного пространства.

Общеизвестно, что при внедрении принципов рыночной экономики произошла трансляция противоречий между социальной структурой общества и культурой, присущих западным обществам. В данной связи примечательны выводы, сделанные основоположником теории постиндустриального общества Д. Беллом. По мнению учёного, в основе социальной структуры и культуры западных обществ лежат разные базовые принципы. Если социальная структура опирается на функциональную рациональность и эффективность, то культура – на иррационализм, гедонизм и потребительство. Таким образом, легитимированный в постреформенной России мировоззренческий ориентир на гедонистический образ жизни способствовал укреплению в общественном сознании ценностей и норм криминальной субкультуры, катализированный явлением аномии и сопутствующим ростом преступности.

Д. Белл пишет: «К середине XX века капитализм пытается найти себе оправдание не в труде или собственности, но в статусной

символике обладания материальными благами и культуре наслаждений. Повышение жизненного уровня и ослабление моральных норм превратились в самоцель как выражение свобод личности» [1].

Научно обоснованным также является утверждение о том, что возникновение новых культурных форм и стилей часто сопровождается отказом признавать какую-либо цель развития культуры, общества, цель жизни, человеческого существования. Однако субкультура преступного мира, развиваясь как антагонизм культуры большинства, вышла из рамок собственной эзотеричности и прошла процесс ассимиляции в обществе, создав феномен криминальной субкультуры, на основе синтеза известных культурных значений.

В то же время, необходимо отметить, что на фоне исторически сложившейся приоритетности репрессивной функции государства и неразвитости гуманистического начала пенитенциарной деятельности система социальной реабилитации ранее судимых лиц не могла признаваться эффективной, а в условиях перехода современного общества к рыночной экономике – и вовсе прекратила своё существование.

А.П. Михайлов, в одной из своих работ, отмечает: «Наиболее распространенной субкультурной структурой, оказывающей прямое влияние на развитие криминальных ценностей и традиций и эскалацию их в массовое сознание, является так называемая криминальная субкультура, возникшая в условиях пенитенциарных учреждений и представляющая собой своеобразную идеологию преступного мира» [2].

Таким образом, сложилась ситуация, при которой в замкнутом культурном пространстве мест лишения свободы, на основе ценностей традиционного общества и законов преступного мира, в течение длительного периода времени стали

культивироваться образцы массовой субкультуры.

Необходимо отдельно отметить, что отличительными особенностями феномена криминальной субкультуры являются устойчивость ценностных значений, способность к самовоспроизводству и регенерации.

Проводя социокультурный анализ рассматриваемых явлений, считаем возможным провести дефиницию между понятиями «криминальная субкультура» и «субкультура преступного мира», определив соотношение между ними как общего к частному. Данное разделение не обособляет рассматриваемые феномены, позиционируя их как самостоятельные и уникальные. Напротив, оно необходимо для понимания детерминант, формирующих криминальную субкультуру, продуцированных в эзотеричных условиях пенитенциарной системы (субкультура преступного мира), а также факторов, катализирующих диффузию культурных значений преступного мира в гражданском обществе, с последующей ассимиляцией их в его культурном пространстве.

Криминальная субкультура – более широкое понятие. С одной стороны, она «включает в себя человеческие субъективные силы и способности, реализуемые в групповой криминальной деятельности (знание, умение, профессионально-преступные навыки и привычки, этические взгляды, эстетические потребности, мировоззрение, формы и способы обогащения, способы разрешения конфликтов, управление преступными сообществами, криминальную мифологию, привилегии для «элиты», предпочтения, вкусы и способы проведения досуга и т.п.), предметные результаты деятельности преступных сообществ (орудия и способы совершения преступлений, материальные ценности, денежные средства и т.п.)» [3], с другой – представляет совокупность трансформированных в

гражданском обществе и применяемых в повседневной практике значений преступного мира.

В отличие от криминальной субкультуры, субкультура преступного мира представляет собой ценностно-нормативный комплекс, регулирующий поведение специфической социальной группы, деятельность которой мотивирована как в аксиологическом, так и в нормативном аспектах не просто неприятием, но и откровенной и принципиальной враждебностью социокультурному контексту функционирования общества [4].

Субкультура преступного мира (уголовная субкультура) является следствием конфликта культурных значений законопослушной части общества и лиц, преступивших закон, и, по своей сущности, антагонистична культуре большинства. Транслированные из субкультуры преступного мира отдельные культурные образцы, носившие сугубо утилитарный и функциональный характер, трансформировались в культурном пространстве постреформенной России в естественные, близкие к легитимным явления. Популяризация «блатной песни» позиционируется в массовой культуре в качестве явления «русского шансона», употребление жаргона обрело характер речевой нормы. Мировоззренческие стандарты допускают прагматичность коррупционных проявлений, оправдывая их социальной дифференциацией, потребностью в «выживании» в условиях рыночной экономики.

Вместе с тем, в различных социальных общностях и группах носителей криминальной субкультуры, вне зависимости от стратификационной дифференциации, сформировался единый понятийный аппарат, позволяющий взаимодействовать с окружающей культурной средой, приспособливаться к ней. Криминальная субкультура стала универсальной для различных социальных слоёв общества,

стандартизируя общие потребности и способы их удовлетворения.

По мнению Т. Парсонса, культура является главной силой, связывающей различные элементы социального мира, или, в его терминологии, системы действия. Культура, по мнению учёного, служит посредником при взаимодействии агентов и объединяет личность с социальными системами, а также обладает особой способностью становиться, по крайней мере, частично, элементом других систем [5].

Сформировавшаяся в местах лишения свободы идеология преступного мира как система значений, оправдывающих существующий порядок, в аспекте её воздействия на новых реципиентов, транслируется во внешнюю культурную среду по-разному. Так, внутри девиантных групп воздействие происходит под давлением ранее социализированных и пользующихся авторитетом индивидов, наблюдается культурный диктат со стороны группы, абсолютизировано конформное

поведение. В других социальных группах у индивидов, проходящих социализацию, прослеживается согласие и добровольное, сознательное принятие ценностей и норм криминальной субкультуры.

Криминальная субкультура, таким образом, компилировала в себя, с одной стороны, устойчивую традицию субкультуры преступного мира с присущими ей особенностями традиционного общества, специфичной атрибутикой и асоциальным мировоззрением, а с другой стороны – ценностные ориентации культуры постреформенного общества. Деидеологизация социума, отсутствие моральных и духовных ориентиров, контроля со стороны общества продуцировали вседоступность, выраженную в достиженчестве и потребительстве любыми способами и средствами, а также вседозволенность, определяемую установкой: «возможно всё, что не запрещено законом», свободой слова и культурного самовыражения.

Примечания:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999. 648 с.
2. Михайлов А.П. Культурная маргинальность как фактор развития преступного поведения молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. Вып. 3 (163). С. 150.
3. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. URL: <http://www.criminalnaya.ru>.
4. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневности до государственной власти. М., 2001. С. 43.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 2004. 238 с.

References:

1. Bell D. The coming of post-industrial society. M., 1999. – 648 pp.
2. Mikhailov A.P. The cultural marginality as a factor in the development of criminal behavior of youth // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Area studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural studies. 2015. Iss. 3 (163). P. 150.
3. Pyrozchkov V.F. Criminal psychology. Mode of access: <http://www.criminalnaya.ru>.
4. Oleynik A.N. Prison subculture in Russia: from everyday life to state power. M., 2001. P. 43.
5. Parsons T. The system of modern societies. M.: 2004 . 238 pp.